

МЕДИЦИНСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПИФАГОРЕЙСКОЙ ШКОЛЫ

В.Г. Лазаренко

Факультет повышения квалификации врачей Ижевская государственная медицинская академия (г. Ижевск)

Medical advances of the Pythagorean school

V.G. Lazarenko

Doctor retraining faculty, Izhevsk state medical academy (Izhevsk, Russia)

РЕЗЮМЕ

В конце VI – первой половине V вв. до н.э. большинство известных нам пифагорейских ученых и философов занимались медициной или, по крайней мере, писали на медицинские темы. Пифагорейская медицина включала в себя, в основном, диетологию, гимнастику и лечение музыкой. Пифагорейцы открыли параллелизм между воздействием диеты и музыки, направленным на поддержание телесного и душевного равновесия.

Ключевые слова: Пифагор, медицина, диетология, питание атлетов.

RESUME

At the end of the VI – first half of the V century B.C. the most famous to us Pythagorean scientists and philosophers practised medicine or, at least, wrote on the medical themes. Pythagorean medicine included, mainly, dietetics, exercise and music treatment. The Pythagoreans opened the parallelism between the effects of diet and music aimed at maintaining physical and mental balance.

Keywords: Pythagoras, medicine, dietetics, nutrition of athletes.

Изучение достижений пифагорейской школы имеет большое значение для понимания истоков интегративной медицины. Ранее, на основе сопоставления древних источников, нам удалось показать сходство теоретических положений традиционной китайской медицины и некоторых медицинских школ Древней Греции [6]. Именно выходцы из пифагорейской школы – Алкмеон и Эмпедокл, в основном, причастны к этому. Но когда речь заходит об учении великого философа Пифагора, то оказывается, что, кроме математического наследия, об этом, несмотря на многочисленные, но туманные констатации эзотерической литературы об «особом посвящении» Пифагора, по сути, мало что известно. Это касается также имевшихся практических достижений его школы в области общей медицины, особенно диетологии и того, что сегодня назвали бы спортивной медициной. Не только аспекты его учения, но и сама жизнь Пифагора мало известна, и главная причина этого в том, что она окутана многочисленными легендами, вплоть до уподобления его различным богам. Причем, как полагает Е.Р. Доддс, «сам Пифагор сыграл немалую роль в создании легенды о самом себе», а начало легенды о Пифагоре восходит, несомненно, к V в. до н.э. [2, с. 151].

В самом деле, как еще расценивать сообщения древних авторов о том, что «о себе он

говорил (по словам Гераклида Понтийского), что некогда был Эфалидом и почитался сыном Гермеса <...> видом он был настолько величественен, что ученикам казалось, будто это сам Аполлон, пришедший от гипербореев» [1, с. 308]? Порфирий даже говорит, что «общеизвестно то, как Пифагор показал гиперборейцу Абариду, жрецу гиперборейского Аполлона, свое бедро из золота в подтверждение того, что он и есть Аполлон Гиперборейский» [8, с. 420]. Рассмотрение облика Пифагора усложняется еще и тем, что Диоген Лаэртский указывает: «Пифагоров было четверо, и жили они одновременно и неподалеку: первый – кротонец, человек тиранического склада; второй – флиунтянин, занимавшийся телесными упражнениями (умаститель, как говорят иные); третий – закинфянин; четвертый – тот, кто открыл таинства философии и учил им. Говорят, что был еще один Пифагор, ваятель из Регия <...> и другой, скверный ритор; и третий, врач, написавший о грыже <...>; и четвертый, сочинитель «Истории дорян», впервые ставший заниматься кулачным боем по-ученому» [1, с. 319]. При всей этой неопределенности и мифологичности нельзя не согласиться с мнением крупного ученого Е.Р. Доддса, что, конечно, мы не должны безоговорочно верить в реальность тех многочисленных перевоплощений Пифаго-

ра, но было бы неразумно пренебрегать в данном случае сообщениями источников, говорящих, что он был человеком, которому Эмпедокл приписывал мудрость десяти или двенадцати предыдущих человеческих жизней [2, с. 149].

Пифагор жил и творил в реальном историческом времени – около 540–500 гг. до н.э. Немногочисленные сведения, касающиеся этого, говорят о следующем. Пифагор – сын Мнесарха-камнереза, родом самосец или тирронец. Он с детских лет оказался способен ко всем наукам (по Порфирию, в детстве Пифагор учился у кифариста, живописца и атлета, а в юности пришел в Милет в Анаксимандру учиться геометрии и астрономии), и отец «привез его в Тир и привел к халдеям, где Пифагор овладел всеми их знаниями». Вернувшись оттуда в Ионию, на остров Лесбос, он познакомился там с Ферекидом и был его слушателем. После смерти Ферекида Пифагор поехал на остров Самос слушать Геромодаманта. Затем он «появился в Египте <...>, выучил египетский язык <...>, явился к халдеям и магам. Потом на Крите он вместе с Эпименидом спустился в пещеру Иды, как и в Египте в тамошние святилища, и узнал о богах самое сокровенное» [1, с. 307]. Порфирий уточняет, что «так называемые математические науки он усвоил от египтян, халдеев и финикийян. Воротившись в Ионию, он устроил у себя на родине училище, оно до сих пор называется Пифагоровой оградой, и самосцы там собираются на советы» [8, с. 417–418]. Ямвлих указывает, что плыть в Египет и войти в контакт со жрецами, особенно жрецами Мемфиса и Диасполя, Пифагора склонил Фалес, «так как, мол, и сам он набирался у них того, что создает ему репутацию мудреца среди большинства» [11, с. 108]. Таким образом, даже если отбросить трудно проверяемые сведения о халдейских магах и египетских жрецах, очевидно, что Пифагор прошел серьезное обучение, в том числе математике, у известнейших ученых своего времени.

Покинув родной Самос из-за преследований со стороны тиранна Поликрата, которым стали подвергаться все «благородные фамилии», Пифагор обосновался в Великой Греции (колонизированные греками Южная Италия и Сицилия) и оставил большое количество своих приверженцев в городах Кротоне, Метапонте, Таренте. Так сложилась знаменитая пифагорейская школа. Уже в ее ранней философии явно виден большой интерес к естественнонаучным вопросам. Нисколько не меньше ионийцев (от Фалеса до Демокрита), а скорее даже больше пифагорейцы занимались физиоло-

гией, анатомией, эмбриологией, ботаникой. В конце VI – первой половине V вв. до н.э. большинство известных нам пифагорейских ученых и философов занимались медициной или писали на медицинские темы. В свою очередь, многие южноиталийские врачи были близки к пифагорейской школе. В русле врачебной практики рождался интерес к тому, что могло способствовать излечению больных, – строению и функционированию человеческого организма, лекарственным растениям, диете и т.д. На рубеже VI–V вв. до н.э., согласно Геродоту (III 130), наиболее известными в Греции были киренские и особенно кротонские врачи. О медиках Кирены, отдаленной колонии в Африке, мы фактически ничего не знаем. Кротонская школа, возникшая почти одновременно с пифагорейской, была связана с ней теснейшим образом. При этом мы знаем гораздо меньше пифагорейских математиков того времени, чем пифагорейских врачей [3, с. 270–272]. Геродот говорит (III, 125 ff) о Демокее из Кротона как об известнейшем враче своего времени.

Следует сделать важное замечание: древнегреческую медицину даже в период ее наивысшего расцвета (III в. до н.э.) нельзя назвать медициной строго научной с сегодняшних позиций. И сами греки тогда не относили ее к числу наук, медицина считалась практическим искусством – τέχνη. Анатомия и физиология, зародившиеся в Греции на рубеже VI–V вв. до н.э., могли лишь частично объяснить в рациональном ключе причины болезни. Причина этого заключалась не только в их неразвитости, а в том, что путем к такому объяснению греческая медицина считала познание всей природы человека, а эта задача была тогда совершенно непосильной. Здесь самое время задать вопрос, откуда Пифагор почерпнул свои воззрения? «Из орфического учения», – таков обычный ответ. Но даже если это так, то возникают лишь новые вопросы, поскольку то, что известно об орфическом учении, весьма далеко даже от протонаучных принципов. По авторитетному мнению Е.Р. Доддса, вполне возможно и то, что Пифагор вообще не был зависим ни от какого «орфического» источника и что он, а до него Эпименид, разделяли услышанное ими от кого-нибудь северное верование в то, что «душа» или «дух-хранитель» умершего старого шамана может вселяться в живого шамана, увеличивая тем самым его способности и познания [2, с. 149–150]. Об этом же может говорить и указание Диогена Лаэртского, что Пифагор говорил, что жил ранее в облике древнего шамана Гермотима [1, с. 310].

Известно, что Пифагор основал своего рода религиозный орден – общину, куда входили и мужчины, и женщины, и где вели образ жизни, полностью определенный ожиданием посмертного существования. Подобные общества были и до Пифагора – например, учрежденное Залмоксисом во Фракии, где он собрал «лучших граждан» и учил их, но не тому, что человеческая душа вообще бессмертна, но тому, что они и их потомки будут жить вечно (Геродот IV 93, 95; Платон. Хармид 156). Это были специально отобранные люди, своего рода «духовная элита». Реальный Залмоксис, возможно, был героизированным шаманом далекого уже для пифагорейцев прошлого. Позднейшая традиция говорит также о связи Пифагора с другим выходцем с севера – шаманом Абарисом, и наделяет Пифагора такими шаманскими способностями, как дар пророчества, биолокация и способность исцелять людей с помощью магии; согласно этой же традиции, Пифагор путешествовал в мир духов [2, с. 150]. Порфирий пишет: «Рассказывают также о том, что он безошибочно предсказывал землетрясения, быстро останавливал повальные болезни, отвращал ураганы и градобития, укрощал реки и морские волны; а у него это переняли Эмпедокл, Эпименид и Абарид, которые тоже все делали подобное не раз – недаром Эмпедокл и прозван был Ветротвратителем, Эпименид – Очистителем, Абарид – Воздухобежцем, как будто он получил в дар от Аполлона стрелу, на которой перелетал и реки, и моря, и бездорожья, словно бежал по воздуху. Некоторые думают, что то же самое делал и Пифагор, когда в один и тот же день беседовал с учениками и в Метапонте, и в Тавромении» [8, с. 420]. Невозможно пренебречь данными, прямо указывающими на шаманский характер деятельности Пифагора и его последователей. Об этом же говорит и отождествление самим Пифагором себя с Аполлоном Гиперборейским, шаманские основы культа которого, как и культа Аполлона Врача в Северном Причерноморье, можно считать доказанными, в том числе в медицинском плане [4]. Недаром известная «клятва Гипократа» родилась, как сейчас установлено, в пифагорейской среде и начиналась словами: «Клянусь Аполлоном Врачом...». Пифагор и его школа наиболее ярко демонстрируют преемственность основ античной медицины, зародившихся в шаманистической среде Северного Причерноморья [5].

О медицинских умениях самого Пифагора известно крайне мало. По Диогену Лаэртскому: «Это он довел до совершенства геометрию

<...>. Больше всего внимания он уделял числовой стороне этой науки. <...> Не пренебрегал он и наукой врачевания. Говорят, он первый стал держать борцов на мясной пище, и первого из них – Евримена, между тем, как раньше они укрепляли тело сухими смоквами, мягким сыром и пшеничным хлебом. <...> Более всего он заповедовал не есть краснушки, не есть чернохвостки (это рыбы – *эрифии* и *меланур*, посвященные, как и морская ласточка – *тригла*, по Ямвлиху, подземным богам – В.Л.), воздерживаться от сердца и от бобов, а иногда (по словам Аристотеля) также и от матки и морской ласточки. Сам же он, как повествуют некоторые, довольствовался только медом или сотами или хлебом, вина в дневное время не касался, на закуску ел овощи вареные и сырые, а изредка – рыбу» [1, с. 310, 312]. Как видно, Пифагор уделял достаточное внимание диете атлетов, например, упомянутого самосского атлета Евримена, который благодаря советам Пифагора, несмотря на свой малый рост, сумел осилить и победить на Олимпийских играх многих рослых противников. Дело в том, что остальные атлеты, по старинному обычаю, питались сыром и смоквами, а Евримен первый стал ежедневно есть назначенное Пифагором количество мяса и от этого набираться сил [8, с. 418]. Подчеркнем, что рекомендации мясной диеты последовали от философа, категорически запрещавшего животную пищу.

Но эти запреты носили магический, а не физиологически обоснованный характер, что видно из сообщения Порфирия: «Не ешь недолжного, а именно ни рожденного, ни приращенного, ни начала, ни завершения, ни того, в чем первооснова всего» – этим он запрещал вкушать от жертвенных животных чресла, яички, матку, костный мозг, ноги и голову: первоосновой он называл чресла, ибо животные держатся на них, как на опоре; рождением – яички и матку, силою которых возникает все живое; приращением – костный мозг, потому что он – причина роста для всякого животного; началом – ноги, а завершением – голову, в которой высшая власть над всем телом. Бобов он запрещал касаться, все равно как человеческого мяса. Причину этого, говорят, объяснял он так: когда нарушилось всеобщее начало и зарождение, то многое в земле вместе сливалось, сгущалось и перегнивало, а потом из этого вновь происходило зарождение и разделение – зарождались животные, прорастали растения и тут-то из одного и того же перегноя возникли люди и проросли бобы. А несомненные доказательства этому он приводил такие: если

боб разжевать и жвачку выставить ненадолго на солнечный зной, а потом подойти поближе, то можно почувствовать запах человеческой крови; если же в самое цветение бобов взять цветок, уже потемневший, положить его в глиняный сосуд, закрыть крышкой и закопать в землю на девяносто дней, а потом откопать и открыть, то вместо боба в нем окажется детская голова или женская матка. Кроме бобов запрещал он употреблять в пищу и разное другое – крапиву, рыбу-триглу, да и почти все, что ловится в море» [8, с. 423]. Так что мясная диета атлетов, впервые введенная Пифагором, едва ли не первый в истории пример, когда идеология отступила перед прагматикой, в данном случае – атлетических состязаний. У Порфирия есть также любопытное сообщение, как питался сам Пифагор: «За завтраком он ел сотовый мед, за обедом – просяной или ячменный хлеб, вареные или сырые овощи, изредка – жертвенное мясо, да и то не от всякой части животного. Собираясь идти в святилища богов и подолгу оставаться там, он принимал средства от голода и жажды; средство от голода составлял он из макового семени, сезама, оболочки морского лука, отмытого до того, как он сам очищал все вокруг, из цветов асфоделя, листьев мальвы, ячменя и гороха, нарубленных равными долями и разведенных в гимметском меду; средство от жажды – из огуречного семени, сочного винограда с вытянутыми косточками, из кориандрового цвета, семян мальвы и портулака, тертого сыра, мучного просева и молочных сливок, замешанных на меду с островов. Этому составу, говорил он, научила Деметра Геракла, когда его послали в безводную Ливию» [8, с. 421–422]. Заметим, что сам Пифагор употреблял мясо, но это случалось редко и, очевидно, было лишь частью жертвенного приношения богам.

Пифагор придавал большое значение «очищению»: так он называл лечение музыкой, указывает Ямвлих [11, с. 493]. Но, как и большинство диетологических наставлений, так и применение им для лечения музыки, имело магический характер: «А песнями, напевами и лирной игрой он унимал и душевные недуги и телесные; этому он научил и своих друзей. <...> Когда они были в добром здравии, он с ними беседовал, когда были больны телом, то лечил их; когда душою, то утешал их, как сказано, иных заговорами и заклинаниями, а иных музыкою. От телесных недугов у него были напевы, которыми он умел облегчать страждущих, а были и такие, которые помогали забыть боль, смягчить гнев и унять вожделение» [8, с. 420].

К сожалению, сохранившиеся сведения о медицинских навыках и открытиях Пифагора этим и ограничиваются. О лечении им конкретных болезней, кроме сообщения Порфирия: «Во время заговора Килона Пифагор уехал на Делос к своему учителю Ферекиду, заболевшему так называемой вшивой болезнью (сыпным тифом? – В.Л.), чтобы там ходить за ним и лечить его» [8, с. 425], ничего не известно.

Пифагорейцы верили в переселение душ, отказывались от мясной пищи, носили белые одежды, совершали таинственные обряды, исключая присутствие непосвященных. Желавшие приобщиться к их учению проходили долгие испытания, именуясь сначала *аккуматами* (слушающими), затем, на второй ступени, *математиками*. Диоген Лаэртский указывает: «Пять лет они проводили в молчании, только внимая речам Пифагора, но, не видя его, пока не проходили испытания» [1, с. 309]. Ямвлих уточняет: сначала было три года испытаний, потом пять лет ученичества в молчании и из-за занавеси, потом доступ к эзотерическому знанию. Он же наиболее подробно из древних авторов повествует о занятиях в течение всего дня, которые Пифагор назначал ученикам. Во избежание дефектов интерпретации, особенно в оздоровительном и медицинском плане, целесообразно привести эти сведения почти целиком: «Утренние прогулки пифагорейцы совершали в одиночестве, причем в такие места, где были подходящий покой и тишина, где храмы и священные рощи или иная какая ограда. Ибо они считали, что не следует встречаться с кем-либо, прежде чем упорядочат и гармонизируют сознание, а упорядочиванию сознания способствует именно такая тишина; напротив, общение с толпой сразу после подъема, по их мнению, вызывает смятение духа. И только после утренней прогулки они встречались друг с другом преимущественно в храмах <...> Это время они употребляли на преподавание и учение, а также на исправление нравов. После подобного время препровождения они обращались к заботе о теле. Большинство умачалось и упражнялось в беге, меньшинство еще и в борьбе – в садах и рощах, иные с гантелями или в боксировании с тенью (*χειρονομία*), выбирая упражнения с таким расчетом, чтобы они способствовали укреплению тела. На завтрак ели хлеб с медом или сотами, а вина днем не пили. Время после завтрака посвящали занятиям государственными делами <...> в часы после завтрака они стремились покончить со всеми делами. А с наступлением вечера снова отправлялись на про-

гулки, но теперь уже не в одиночку, а по двое или по трое, припоминая уроки, упражняясь в добрых делах. После прогулки принимали ванну и шли на совместные трапезы, причем за одной трапезой собиралось не более десяти человек. <...> Приступали к обеду, чтобы отобедать до захода солнца. Питались вином, ячменными лепешками, [пшеничным] хлебом, мясом и овощами, как вареными, так и сырыми. Мясо подавалось только жертвенных, подлежащих закланию животных, а рыбу ели редко, так как некоторые ее виды в силу известных причин вредны для здоровья. После обеда совершали возлияния, а затем приступали к чтению. По обычаю, читал самый молодой, а самый старший следил за тем, что следует читать, а чего не следует. Перед тем, как разойтись, виночерпий наливал им вина для возлияния, и по совершении возлияния самый старший произносил следующие заповеди: домашним и плодовым растениям вреда не причинять и не губить их, равно как и животным, не причиняющим вреда человеческому роду, не вредить и не губить их. После этого все расходились по домам. Одежду носили белую и чистую. Подстилками служило льняное полотно, овчиной не пользовались. <...> Они следили за тем, чтобы тела [всегда] были в одном состоянии и не были бы то тощими, то тучными: в этом они усматривали признак неправильной жизни. Точно так же [они следили за тем, чтобы] и в душе не быть то развеселыми, то впавшими в уныние, но сохранять ровную кроткую радость. Они гнали прочь гнев, уныние и тревоги, и была у них заповедь: для имеющих разум ни одна из человеческих страстей не должна быть неожиданной, но следует ожидать (т.е. предвидеть) все, над чем они не властны. Если же на них находили гнев, печаль или нечто подобное, то они уходили прочь и, оставшись наедине с собой, старались переварить страсть и исцелиться от нее. <...> От плача, слез и всего подобного пифагорейцы удерживались, и ни корысть, ни возжелание, ни гнев, ни честолюбие, ни что-либо подобное никогда не вызывало среди них розни, но все пифагорейцы относились друг к другу так, как хороший отец относится к детям. <...> Из наук пифагорейцы больше всего ценили музыку, медицину и мантику (искусство гадания – В.Л.). <...> Из медицины более всего одобрялся диетический вид, и в нем они были чрезвычайно щепетильны. Прежде всего, они стремились изучить признаки должной пропорции питья, еды и отдыха. Затем они едва ли не первыми стали заниматься и определять [диетические нор-

мы] относительно приготовления блюд. Более, нежели их предшественники, пифагорейцы применяли катаплазмы (мази – В.Л.), а фармацевтику одобряли меньше и из лекарственных средств употребляли главным образом средства против нагноений, а разрезы и прижигания (т.е. хирургическое вмешательство – В.Л.) одобряли всего менее. Против некоторых болезней применяли и заклинания. Они верили также, что большое целительное воздействие на здоровье оказывает и музыка, если только пользоваться надлежащими ладами. Для исправления души применялись также избранные цитаты из Гомера и Гесиода» [11, с. 491–493, 495].

Аристоксен, сведения которого восходят к пифагорейцам первой половины IV в. до н.э., указывает (fr. 27), что «пищей пифагорейцев был хлеб с медом – тот, кто принимает эту пищу постоянно, лучше всего охраняет себя от болезней». Одной из особенностей пифагорейской медицины является открытый ею параллелизм между воздействием диеты и музыки, направленных на поддержание телесного и душевного равновесия. Среди тех, кто разделял пифагорейскую идею о лечебном воздействии музыки были не только философы (Платон, Аристотель, Феофраст), но и профессиональные врачи. Из рассказа Филиппа Опунтского о последних днях Платона следует, что тот, будучи больным лихорадкой и надеясь излечиться от нее музыкой, пригласил к себе музыканта-халдея в сопровождении флейтистки. Позже музыкальная терапия будет эффективно практиковаться врачами Александрийского Мусея. В целом, по Аристоксену, пифагорейская медицина сочетала гимнастику, диетологию и музыку. Естественные приемы, которыми пользовались пифагорейские врачи, не могли серьезно повредить больным, что было чрезвычайно важно в условиях малой эффективности доступных медицинских средств. Они, по крайней мере, не подвешивали своих пациентов вниз головой, не советовали им переплывать реку в бурную ночь или лечить опухоль селезенки пилением дров в течение месяца, как это делали некоторые врачи-гиппократики. Список пифагорейцев, писавших на медицинские темы, а также врачей, так или иначе близких этой школе, охватывает практически всех известных нам италийских и сицилийских врачей конца VI-первой половины V вв. до н.э. Таким образом, италийская медицина этого времени оказывается если не идентичной медицине пифагорейской, то, по крайней мере, связанной с ней тесными узами. Более того, Алкмеон из Кротона, самый извест-

ный из пифагорейских врачей – автор первого медицинского сочинения, содержание которого нам известно [3, с. 276–279, 272–273].

Известно, что научно-исследовательская деятельность в Древней Греции была сосредоточена в Мусеях. Один из них был основан пифагорейцами в итальянском Таренте, и его посещал Платон, встречаясь с Архитом Тарентским. Известно, что в Таренте проживала самая многочисленная пифагорейская община – Ямвлих приводит список из 45 человек. Среди них видим такие знаменитости, как астроном Филолай, создавший пифагорейскую модель Вселенной, врачи Ликон и Иккос. Последний, как и Пифагор, разрабатывал лечебные диеты и практиковал оздоровительную гимнастику, а также, возможно, был автором первой книги по диететике как основе подготовки атлетов. Платон в «Законах» (839e) с уважением отзывался об Иккосе, в молодости знаменитом атлете, а затем учителе гимнастики и враче. О скромно обедающих греки говорили «обед Иккоса»; во время состязаний он соблюдал строгую диету и воздержание. До классического периода в Греции еще не существовало диетологии. Платон говорит о ней как о «новомодном» изобретении («Республика» 405c) и называет ее основателем Геродика из Селимбрии (родился около 490 г. до н.э.); между тем Геродик был младше не только Демокед и Алкмеона, но и Иккоса. Зарождение греческой диететики давно уже принято связывать с практикой подготовки атлетов, которыми был славен Кротон как раз во второй половине VI – первой половине V вв. до н.э. Безусловно, древнегреческая «спортивная медицина», практиковавшаяся педотрибами, включала в себя не только диетологию. Она должна была включать и лечение травм, часто получаемых в борьбе и кулачном бою. К этой среде принадлежали как пифагорейские победители Олимпийских игр Милон и Иккос, так и кротонские врачи Демокед и Алкмеон [9, с. 168–169; 3, с. 272, 278–281].

Главная заслуга пифагорейской школы в создании, вероятно, первой в мире системы диетологии. Правда, у Геродота сказано (II, 77), что египтяне видят причину некоторых болезней в пище, которую они едят, но существование диетологии не подтверждается египетскими материалами. Во времена династии Чжоу в Китае диетология также считалась главным разделом медицины, и даже появилась соответствующая специализация врачей [10, с. 147, 179, 180, 493]. Однако хроники не говорят, в каком конкретно веке (из очень продолжительного периода 1027–249

гг. до н.э.), поэтому допустимо считать, что это случилось, в исторических масштабах, практически одновременно с прозрениями пифагорейцев. Основанием для этого послужило, очевидно, сходство теоретических положений диетологии в древних Китае и Греции. В последней же они были разработаны выходцами из пифагорейской школы Алкмеоном и Эмпедоклом на рубеже VI–V вв. до н.э. Единство подходов древних ученых весьма отдаленных друг от друга регионов должно служить залогом успешности современной интегративной медицины. В этом плане очень перспективным видится использование традиционной диетологии, как базового метода оздоровления. Ее практические аспекты, с применением обычных для россиян продуктов, в том числе при подготовке спортсменов, подробно изложены нами ранее [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегр. М.Л. Гаспарова. Под ред. А.Ф. Лосева. – М., 1986. – 571 с.
2. Доддс Е.Р. Греки и иррациональное / пер. с англ. – М.; СПб., 2000. – 318 с.
3. Жмудь Л.Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. – СПб., 1994 – 376 с.
4. Лазаренко В.Г. Архаический Аполлон и ранние восточноевропейские миграции // Науковий вісник. Випуск 3.33. Історичні науки. Миколаїв, Національний університет ім. В.О. Сухомлинського. – 2013. – С.31–37.
5. Лазаренко В.Г. Истоки античной медицины – в Северном Причерноморье // Традиционная медицина. – № 1 (28). – 2012. – С.51–56.
6. Лазаренко В.Г. Сходство теоретических положений традиционной китайской медицины и некоторых медицинских школ Древней Греции // Традиционная медицина. – № 3 (26). – 2011. – С.55–59.
7. Лазаренко В.Г. Диетология и диетотерапия в традиционной китайской медицине: История и современность – Ижевск, изд-во Ижевского гос. техн. ун-та, 2009. – 256 с.
8. Порфирий. Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегр. М.Л. Гаспарова. Под ред. А.Ф. Лосева. – М., 1986. – С.416–426.
9. Поршнева В.П. Мусей в культурном наследии античности. – М., 2012. – 336 с.
10. Установления династии Чжоу (Чжоу ли) / Пер. с кит. и комм. С. Кучеры – М., 2010. – 495 с.
11. Ямвлих. О пифагорейской жизни // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1 / Пер. с древнегр. А.В. Лебедева. – М., 1989. – 576 с.

Адрес автора

К.м.н. Лазаренко В.Г.

Факультет повышения квалификации врачей.
meds@istu.ru